

Виктория Колобова

Смерть на корпоративе

18+

Виктория Колобова

Смерть на корпоративе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67288862

SelfPub; 2022

Аннотация

На корпоративной вечеринке отравлен цианидом соучредитель агрохолдинга Альберт Громов. Другой соучредитель и директор агрохолдинга Т. Волонсевич обращается за помощью к частному детективу. Н.Ф. Трубников приступает к расследованию.

Содержание

Его убил кто-то из своих!	5
И сразу страшно стало всем	9
Давно ты по мне сохнешь, начальник?	11
Маша, Лёня и кот Василий	20
Катя-Катеринка, ягодка малинка	29
Благоухание духов не сочетается с ведром и шваброй	32
Я одинокая женщина! Не надо ко мне приходить!	37
Мне теперь в шахматы играть не с кем!	42
Смартфон прокипел хорошо!	47
Сама, дура, виновата!	52
Неуязвимые кадастровые инженеры и их жертвы	63
Старший брат и младший брат, во всем папа виноват	70
Послесловие	78

Виктория Колобова

Смерть на корпоративе

Этот детектив от начала и до конца придуман автором. В Матвеево-Курганском районе Ростовской области не существует села Яблоньки. Все события, место действия, персонажи вымышлены. Совпадения имен и названий с именами и названиями реально существующих лиц и мест случайны.

Его убил кто-то из своих!

27 февраля в воскресенье на втором этаже офисного здания агрохолдинга в селе Яблоньки Матвеево-Курганского района Ростовской области в актовом зале были накрыты столы. Преобладала своя продукция: ягоды, фрукты, пироги и пирожки с вишнями, яблоками, малиной и тому подобными вкусностями, джемы, варенье своего производства, Агрохолдинг отмечал тридцатилетний юбилей. В связи с ситуацией на Украине, граница с которой проходит в нескольких шагах от Яблонек, гости не приехали, зато собралось почти все село. Первым с приветствием выступил Тимофей Иванович Волонсевич, потом Альберт Александрович Громов, но его уже не слушали. Аппетитные пироги и десерты перехватили инициативу у молодого соучредителя агрохолдинга. Громов с Волонсевичем смотрелись как дед и внук, но они не были родственниками. Волонсевичу недавно перевалило за шестьдесят, а Громову тридцать пять.

Никто не обратил внимания на Громова, когда тот застыл сидя на стуле в неестественной позе. А когда он упал на пол, кто-то засмеялся, решив, что он перебрал винца. Но главный бухгалтер Мещерякова бросилась к нему с перепуганным лицом. Опустилась перед ним на колени, закричала: «Врача! Врача!»

«Скорая» в Яблоньки ехала долго, зато сразу же прибежа-

ла фельдшер Нина Сергеевна из фельдшерско-акушерского пункта, констатировала смерть. Причина? Покажет вскрытие. Прибежала из дома мама Альберта, закричала, заплакала, спрашивала, кто же его отравил и за что? Народ быстро разбежался по домам, Волонсевич принял валидол и нитроглицерин, сам был похож на труп.

Приехали законники, врачи, потом труповозка. Капитан МВД Григорий Иванов написал направление на вскрытие. Хотел опросить всех присутствующих на юбилее, но никого не было кроме нескольких человек. Перед ним полусидел-полулежал Волонсевич, плакала навзрыд мать Громова, с ней в унисон тихо скулила Мещерякова, только главный инженер Алексей Евгеньевич Павлов сохранял спокойствие и отвечал на его вопросы.

– На корпоративной вечеринке было почти все село, а сколько конкретно человек? Я не знаю, никто не знает. Сначала был составлен список на 80 человек, но ведь каждый человек, проживающий в Яблоньках, работает в агрохолдинге! Не гнать же, если он пришел! Подвинулись, уплотнились, все свои! Стол накрыли заранее, но приходящие самостийно приносили угощение из дома: варенье, джемы, пироги, кто во что горазд. За этим никто не следил. Спиртное тоже было: наливки, вино, у многих свой виноград возле дома растет. Что пил и ел Громов? На столе такой бардак, поди, разберись! Что-то уже в осколки превратилось, упав на пол. Паника началась, когда Мещерякова закричала. Повскакивали

все, разбежались...

Капитан Иванов со слов Павлова составил рапорт, поскольку время было уже за полночь, то дальнейшие следственные действия решил проводить с утра. Уходя он вежливо со всеми попрощался, но сразу же почти бегом вернулся:

– Я взятку не беру! Я при исполнении!

Волонсевич удивленно приподнял седую голову:

– Кто же тебе взятку дал, сынок? Сколько?

– Вся машина забита! Пирог, пирожки! Варенье на заднем сиденье!

– Они тебе сиденье испачкали?

– Сиденье не испачкано, варенье в банках. Совесть испачкана! Я не беру взятку!

– Нет, сынок, пироги тебе со стола собрали, чтоб не выбрасывать. Это не взятка, а чтобы поминал нашего Альберта. Если бы все взятки пирогами давали, то преступность и коррупция давно бы исчезли!

Через несколько дней Волонсевич узнал, что Альберт отравлен цианидом, это ввергло его в шок. Взяли на экспертизу, увы, не столовый прибор, из которого ел и пил Альберт, но осколки с пола, да прочую посуду со стола. Начался затяжной как весенний донской дождь допрос свидетелей, они же подозреваемые. В Яблоньках впервые за 30 лет поселился страх. Никто не понимал, кому и зачем понадобилось убивать Альберта? Он не пользовался популярностью, но сейчас

его жалели: не успел жениться, обзавестись семьей и детьми. Рано ушел, страшно ушел. Если он действительно отравлен, то убийца сидел за столом! Убийца кто-то из них? Страх вошел в каждый дом. Люди перестали выходить из дома с наступлением темноты. Днем на улицах было пусто и тихо. Исчез детский смех, даже перестали лаять собаки.

И сразу страшно стало всем

В четверг третьего марта шел дождь. Глава детективного агентства Н.Ф. Трубников к четырем часам отпустил секретаря Лену, собирался уходить. Душа болела за дочь, которая с мужем и детьми постоянно проживала в Севастополе. Подумывал о том, чтобы поехать к ней, привезти в Ростов. Все равно никакой работы пока нет. В это время хлопнула входная дверь, кто-то вошел в приемную. Трубников нехотя выглянул из кабинета. Женщина средних лет, но еще не лишенная привлекательности, торопливо складывала мокрый зонтик.

– Добрый день, – сказала она звонким голосом, – я главный бухгалтер агрохолдинга Мещерякова Валентина Васильевна приехала по просьбе учредителя и директора холдинга Тимофея Ивановича Волонсевича. К сожалению, он сам приехать по состоянию здоровья не смог.

– Раздевайтесь, снимайте мокрое пальто, проходите в кабинет. Присаживайтесь. Слушаю вас.

– 28 февраля на корпоративе был отравлен цианидом соучредитель агрохолдинга Альберт Александрович Громов. Следствие идет медленно, надо найти убийцу Альберта.

– Сколько соучредителей?

– Было двое: Волонсевич и Громов. Раньше соучредителем был отец Альберта, Громов Александр Иванович, но он

умер в прошлом году. Его акции перешли к сыну.

– Сколько акций?

– У Волосевича 40 процентов, у Громова 40, остальные 20 у ветеранов агрохолдинга.

– У ветеранов? Они все преданы агрохолдингу и не собираются продавать акции?

– Полгода назад был скандал. Неизвестный уговаривал некоторых ветеранов продать акции, предлагал хорошие деньги. Но для жителей Яблонек и соседних сел агрохолдинг – это не столько работа, сколько образ жизни. Единственная работа в селе! Если ее нет, как выживать? Волонсевич пользуется авторитетом. Ветераны к нему пришли с вопросом: продавать или нет? Он устроил... Короче, покупатель акций сразу исчез. К сожалению, не смогли выяснить, кто он? Откуда?

– Какие у Волосевича отношения с Громовым?

– Об этом лучше спросить у Тимофея Ивановича. Он дружил с его отцом, но не с ним.

– Как вы сами думаете, кто убил Громова?

– Не знаю. О покойниках плохо не говорят. Я не знаю, кто убил Альберта, мне искренне жаль его. Никто ничего не понимает. Все напуганы. Волонсевич тоже не понимает, кто его убил, поэтому и обращается к вам. У него большое сердце, он ждет вас в Яблоньках, готов оплатить все расходы. Надеется на вашу помощь.

Давно ты по мне сохнешь, начальник?

В пятницу утром Трубников приехал в Яблоньки. Не очень удачное время для знакомства с селом. Дождь и ураганный ветер хозяйничали во всю прыть. Тем не менее, он проехал по селу: фельдшерско-акушерский пункт, школа. Хорошая дорога, тротуары. В центре села двухэтажный Дом культуры. Рядом двухэтажное здание агрохолдинга. Остановился возле памятника героям Великой Отечественной войны, подошел, прочитал имена: Александр Волонсевич среди других имен: Ткаченко, Серeda, Иванов... К нему под зонтиком и без пальто бежала Мещерякова:

– Николай Федорович! Что же вы под дождем? Мы ждем вас!

– Это его отец? – спросил он про Александра Волонсевича, – туфли! Ноги промокли! Садитесь скорее в машину.

– Уже поздно в машину, офис рядом, пойдете. Это брат его деда. Дед погиб под Сталинградом. Как бы нам самим не погибнуть. Слишком близко граница с Украиной! По ночам сквозь сон слышно всякое, страшно. Волонсевич ждет вас.

Они поднялись на второй этаж в кабинет Тимофея Ивановича. Он поздоровался за руку, предложил кофе и пирог с вишнями. Детектив промок и замерз, поэтому от угощения

не отказался.

Волонсевич сел за стол:

– Я смотрел в окно, возле памятника стояли...С Украиной были соседи, стали враги! Я не хочу войны! Но я не хочу и военной базы, военного биологического объекта рядом со своим домом. Если они войдут в НАТО, то меня никто спрашивать не будет, а граница вот она! Из окон видна! Если кто-то этого не понимает, то мне его искренне жаль. Что надо объяснять, когда украинцы Бандеру записали в герои? Не ожидал, что такое может случиться! Украина! Туркменистан!

– При чем здесь Туркменистан? – оторвался от пирога с вишнями Трубников.

– Оговорился. Еще в себя не пришел после внезапной смерти Альки, то есть Альберта Александровича Громова.

– Бандеру в герои записали не украинцы, а украинская власть, которой выгодно подогревать националистические настроения. Им хочется в Евросоюз, им хочется в НАТО. Им хочется красиво и сытно жить, а украинскому народу хочется мирно жить. Люди помнят кровавые ужасы Бандеры. Только нацисты, фашисты могут славить его. Но, вы правы, сейчас не об этом. Красивое у вас село. А вода и газ? Почему-то не заметил дымка над домами?

– В каждом доме газ, вода, живем, не тужим. Оставайтесь. И вам дом построим.

– Вы строите дома?

– Да, но только для своих работников. Хорошие дома на пять комнат, со всеми удобствами, участок обязательно. Как же без сада-огорода? Половину агрохолдинг оплачивает, половину тот, кто собирается жить в этом доме. Живет и платит лет десять или двадцать, кому как удобнее.

Альберт с мамой в таком доме жил. И в Ростове у них квартира есть. Все думали, что Алька женится. Не женился, выбрать не смог. Я с его отцом дружил, а с Альбертом мечтал расстаться, но не так! Мне жаль его! Я ничего не понимаю! Никто не понимает. В селе нарастает атмосфера подозрительности и страха. Законники по домам ходят, здесь им кабинет выделил. Вызывают, допрашивают, люди пугаются. Меня тоже расспрашивали. Они меня подозревают! Думают, я его заказал! Я же часто с Алькой ругался! Громко ругался! Он повсюду лез, на людей кричал, корчил из себя начальника, а дела не знал! Нигде не учился! Ругал я его часто. А теперь я же и виноват, что его убили! Если б я убивал всех, с кем ругаюсь!

– Ваши ссоры происходили из-за его некомпетентности?

– Из-за этого тоже. Он мечтал не работать, а деньги получать.

– Об этом все мечтают, но это невозможно!

– И я так думал. Ошибался. Алька бизнес-план составил, дал мне ознакомиться. Он думал, что я прочитаю и обрадуюсь, а я чуть не умер! Это же мой агрохолдинг! Да, агрохолдинг маленький. Да, название с претензией, но это же мой

«ребенок»!

В девяностые мы с Сашей (его отцом) отбивались от чиновников, защищая поля, на которых сейчас растет клубника. Они хотели под дачи! Мы брали кредиты под бешеные проценты, чтобы купить и установить технологическую линию для заморозки той же клубники, слив, для производства джема! Посадили сады новые: персики! А сливы! Каждая размером с персик! Я рисковал вплоть до того, что свой дом закладывал! Блефовал, чтобы привлечь заказчика!

Алька предлагал на этих полях зону отдыха создать. В Яблоньках построить культурно-досуговый центр с бассейном и сауной, спортзалом, бильярдом! Не спорю, такой проект может окупиться быстро, давать стабильный доход, но! Это же все равно, что мне в лицо плюнуть! А Алька так ничего и не понял. Или не захотел понять! Но я не убивал его! Не заказывал! Зачем мне такой грех на душу брать? Пока знаю только, что это не самоубийство, не несчастный случай. Но я не верю, что кто-то на банкете подсыпал ему яд в тарелку с едой. Не верю! Хотя факт, упрямый и злой факт его смерти, говорит, что его убил кто-то из наших! На вас надеюсь, найдите убийцу!

В кабинет вбежали девочка лет восьми и мальчик лет четырнадцати, увидели Трубникова, остановились в растерянности.

– Сколько раз вам говорить? – строго сказал Волонсевич, – стучаться надо! Что прибежали? Это дети мои, – об-

ратился он к детективу, – Слава и Света. Поздний брак, а с женой развелся. Прогнал к ее матери, все равно приходит за деньгами раз в месяц. А как запретить? Дети скучают! И она обратно вернуться мечтает, я не хочу! Зря на молодой женился. Хотя не зря, дети растут. Идите ко мне.

– Вы ее новый муж? – спросила девочка.

– Трубников поклялся, что он не муж ее мамы, даже удостоверение детектива предъявил, сказал, что расследует убийство Громова.

– Расследовать? – презрительно фыркнула девочка и прижалась к отцу, – Жанна говорит, что Лёнчик яд подсыпал, я Жанне верю.

– Не было Лёньки на корпоративе! – рассердился Волонсевич.

– Был! – глянул исподлобья на отца Слава, – он пришёл в самом разгаре, я его видел. Все танцевали, на него никто внимания не обратил. Он недолго побыл, ушёл. Мимо места Громова ходил, я ещё подумал, что он со стола собирает! Вроде не бедняк! Но я не присматривался.

– И зачем Лёньке Громова убивать? – устало спросил Волонсевич, – бред сивой кобылы!

– И все же я хочу поговорить с Жанной, с Лёней, это дети? – спросил детектив.

– Жанна работает уборщицей, сейчас должна быть где-то здесь. Только настоящее ее имя не Жанна, а Джемиле, она из Туркмении. С детства на хлопке, там же замуж вышла за

односельчанина. Пришло время рожать, она на сборе хлопка до последнего. Муж рядом. Приехали машины за хлопком. Она просит, чтобы ее до больницы подвезли. Нет, не подвезли, хлопок важнее, чем она с ее родами. Родила в поле. Обиделась на всех. Разошлась с мужем, приехала в Ростов к родственникам, но оказалось, что она им не нужна, да еще с ребенком. А я набирал в Ростове людей на яблоки. Мы осенью часто набираем, своих рук не хватает. Пожалел ее, взял уборщицей, дал комнату. Живет с дочкой, работает хорошо. Я не знал, что она Лёньку видела, почему мне не сказала? Зачем Лёньке убивать Громова? Пошли, она уже где-то здесь. Поищем ее. Телефона у нее нет. А вы, дети, тут пока. Вместе домой пойдем.

Волонсевич и Трубников ушли, дети остались в кабинете отца.

– Зачем ты сказала про Лёнчика? – набросился на сестру Слава, – у мамы с ним роман! Она его любит!

– А я его ненавижу! Я хочу, чтобы мама вернулась домой, чтобы мы снова жили все вместе! Славка! Давай их помирим!

– Обалдеть! Светка! Очнись! Все мосты сожжены!

– А я хочу маму вернуть домой!

Света подошла к окну, заплакала. Брат поспешил к ней, обнял за плечи:

– Не плач! Ты права, давай их помирим. Сегодня, какое число? У всех зарплата была вчера, но мама вчера не прихо-

дила. Она должна прийти сегодня к папе за деньгами.

– Нет, не получится. Я видел, как они встречаются. Папа кладет деньги на самый край стола и ничего не говорит. Она молча берет их, уходит.

– Если долго мучиться, что-нибудь получится! После банкета осталось много всякого вина, а пирог на столе стоит, детектив почти не ел. Сейчас я все приготовлю! Ах! Как жаль, что свечи нет!

– Есть у Жанны в ее комнате, где она хранит швабры, я сама видела. У нее свечка и спички есть! Я сейчас принесу!

Уже через несколько минут кабинет Волонсевича преобразился. Все бумаги исчезли с его стола. Их место заняли бутылка вина и два бокала. Рядом горела свеча. Из мусорной урны дети извлекли еще не совсем увядшие тюльпаны, поставили их в вазу с водой. Погасили свет, зажгли свечку. Постояли в дверях, радуясь уютному уголку. Слава подбежал к столу. Поставил рядом с бокалами и бутылкой пирог, который не успел доестъ детектив, удовлетворенно вздохнул и улыбнулся.

– Ты думаешь, это поможет им помириться? – спросила Света.

Он ничего не ответил. Они ушли, чтобы не мешать примирению родителей.

Волонсевич и Трубников обошли весь первый этаж, но Жанну не нашли. Волонсевич сам отвез Трубникова к Лёнке, ничего не стал о нем говорить:

– О родственниках плохо не говорят, а хорошо говорить не могу, нечего!

Представил Трубникова жене Лёньки Машеньке, попросил посодействовать расследованию. Уехал. Когда подъехал к конторе, удивился, что в его кабинете горит такой тусклый свет, устало поднялся на второй этаж. Вошел в кабинет, подошел к столу, удивленно уставился на бутылку портвейна, пирог, бокалы и тюльпаны, которые недавно сам выбросил в урну. В это время открылась дверь, вошла его жена. Увидев вино, пирог, цветы и горящую свечу, она остановилась от неожиданности, но быстро справилась с собой, широко улыбнулась:

– Тимоша! Как мило! Я так давно мечтала провести с тобой романтический вечер! Давно ты не дарил мне цветы! Какие красивые тюльпаны! Ты ждал меня! Ты тоже хочешь помириться!

Она приближалась к нему, а Волонсевич пятился с испуганным лицом. В кабинете появилась уборщица Жанна с косынкой на голове, в спортивном трико:

– Дети сказали, что вы меня...

– Джемиле! – радостно вскрикнул Волонсевич и с изящностью юноши подскочил к онемевшей от удивления уборщице, – Жанна! Милая моя! Ты так просто оделась? Вот и хорошо, так даже лучше, по-домашнему. Садись за стол, винца выпей! Я так ждал тебя! Пей! Я сейчас провожу гостью! Да, Кате же деньги нужны!

Он торопливо достал из сейфа деньги, положил их на край стола перед застывшей женой. Сложил руки на груди, ожидая, когда она уйдет. Жанна откинулась на спинку стула, молча наблюдала широко открытыми глазами. Екатерина со злобой взяла деньги, ушла, хлопнула дверью. Волонсевич вытер пот со лба, медленно подошел к столу, присел на стул, задумался. Из состояния задумчивости его вывел вопрос Жанны:

– И давно ты по мне сохнешь, начальник?

Маша, Лёня и кот Василий

Трубников сидел в кухне Петуховых, беседовал с Машенькой, высокой молодой женщиной со стройной фигурой и постоянно бегающими пальцами. Она объясняла, что Лёня только что ушёл. Легли спать рано, кто-то ему позвонил. Он быстро оделся. Она спрашивала, куда. Он накричал: «Я ещё должен докладывать тебе, куда и зачем?» Машенька заплакала, Трубникову стало неуютно:

– Давно вы так живете?

– Третий год, детей нет. Гуляет он, мне все говорят. А что я могу сделать?

Трубников поднялся, собираясь уходить. Машенька вскочила, сразу перестала плакать. Стало слышно мяуканье. Вернее, истощный кошачий рёв. За окном на узком подоконнике сидел огромный кот, промокший и продрогший.

– Васька! – Машенька открыла форточку, – Васенька! Мой кот. Лёня не любит котов и собак. Поросятка берем, бычка тоже. Лёня откармливает сам, меня не подпускает. Потом сам же режет. Как он может? Берет совсем маленького, откармливает, ласкает, а потом режет, я на рынке мясо продаю. Так и живём. Раньше он в агрохолдинге работал, потом рассорился с Волонсевичем из-за зелёнки.

– Не понял. Какой зелёнки?

– Трава такая, чтоб скотину кормить. Украл зелёнку с

агрохолдинга. У них много! Он всегда немножко брал. Не больше мешка за один раз! Все нормально было. А тут настучал кто-то.

Василий отряхнулся, убежал в комнату.

– Не понимаю, это же плодово-ягодное хозяйство, зачем же зелёнка?

– Овцы. Отара на шестьсот овец. Мясо не продаем, сами кушаем. У детей в школе, в детском саду бесплатные обеды. Нам тоже мясо к праздникам выдают. Так и живём.

Маша суетливо вытирала со стола невидимую лужицу.

– Тимофей Иванович говорил, что вы родственники.

– Это не я. Лёнчик сын его двоюродной сестры. А кто его отец никто не знает. Лёнчик и сам не знает, мать не сказала ему, умерла рано. Его сначала одна тетя к себе взяла, потом другая, но в детдом не отдали, в селе вырос.

– Одна взяла, потом другая? Почему? Первая тетя тоже рано умерла?

– Нет, Обе и сейчас живы. Характер у Лёни тяжелый, на руку горяч. Меня не бьёт, но кричит часто.

Трубников передумал уходить, попросил разрешения посмотреть дом.

– Волонсевич говорил, что строит дома для своих.

– Да, этот дом для нас построили. Мы за него выплачиваем. Это Лёню уволили, а я-то по-прежнему в агрохолдинге работаю. Хороший дом: газ и вода есть. Все удобства. Пять комнат. Нам даже много. Вот зал, здесь отдыхаем. Из той

комнаты мы кладовку сделали. Это спальня.

В спальне стояла большая разобранная кровать, прикроватная тумбочка, в углу столик с зеркалом, стул и рядом кресло, в котором свернулся клубком Василий.

– Давно Лёня ушел? – спросил Трубников, глядя на кота.

– Только что! Уже спать легли! Кто-то позвонил, он оделся, убежал, накричал на меня, дескать, не суйся!

– Не сказал, когда вернется?

– Нет, не сказал. Он всю ночь может отсутствовать. Работы же нет постоянной, если шабашка подвернётся, то почему бы и нет? Денег всегда не хватает.

Машенька все время поправляла руками волосы, одергивала рукава кофты, будто у нее всё время что-то чесалось. Трубников вежливо улыбнулся, прощаясь. Вышел под дождь. Ни зги не видно! Дождь, ветер. Во дворе рядом с домом летняя кухня с верандой. На веранде стол, длинная скамья. Летом кушают здесь. Трубников сел за стол, зябко поёжился. Холодно, но крыша спасает от дождя. Пожалел, что нельзя курить. Отключил телефон, ждал.

Прошло часа два или три, но детективу они показались вечностью. Он уже засомневался в правильности своих умозаключений. Кот прибежал с улицы, сразу спать. Но улёгся не на кровать, а в кресло. Маша утверждает, что Лёня ушёл только что, они уже спали. Постель разобрана. Если бы только что спали, то кот лёг бы в постель. Теплую, согретую человеческим телом постель кот предпочёл бы холодно-

му креслу. Но он лёг в кресло! Значит, тёплым было кресло, а постель холодной. Маша говорит неправду. И почему она все время чешется? Нервничает? Скорее всего, она сидела в кресле и ждала мужа, в постель она не ложилась. Где же ее Леонида черти носят в такую непогоду? Долго его ещё ждать?

К дому с погашенными фарами тихо подъехала машина. Из неё вышел мужчина, открыл ворота, вернулся в машину. Трубников молча наблюдал. Остановилась машина у самого порога. Леонид вышел и открыл багажник. Попытался вытащить большую коробку. Она выскальзывала из рук, падала в багажник.

– Вам помочь? – доброжелательно спросил Трубников, подойдя к нему и подхватывая коробку.

Леонид отшатнулся от него и громко выругался. Трубников опустил коробку обратно, зевнул, прикрыв рот рукой.

– Может быть, в дом? А то дождь!

Дверь распахнулась, на пороге появилась Маша, увидела Трубникова, схватилась руками за голову.

– Дура! – плюнул в ее сторону Лёня, – не могла позвонить мне, предупредить?

– Уже второй час ночи, – сказал детектив, – не надо так громко кричать, соседей разбудите, пойдете в дом, Леонид. Впрочем, что же у вас в коробках? Сигареты... С травой?

Леонид снова выругался, подскочил к гостю с жадной драки. Трубников быстро пресек его вдохновенный порыв.

Повёл в дом, захлопнув багажник.

– Нет никакой травы! – запрочитала Маша, – вы что? Мы не наркоманы! Мы не мародёры! Это сигареты обыкновенные! Самые обыкновенные! Покурите сами!

Под ее причитания Трубников ввёл Леонида в кухню, усадил на табуретку и сел сам. Закурил сигарету, вздохнул с облегчением.

– Ну! Что я говорила? Самые обыкновенные сигареты! Спёр где-то. Я думала, вы ушли! Где вы были? Лёнька! Они тебя подозревают, что ты Громова отравил! Говорят, он тебя часто ругал, ты ему отомстил! Яда подсыпал крысиного! У нас яда нет! Зачем нам яд? У нас кот мышей ловит! Лёнька! Чего молчишь?

– Дура, – уже спокойнее сказал Леонид, – слушай сюда, детектив, – я сигареты не спер, а взял на реализацию. По-тихому взял, по-тихому продам, а себе процент с реализации. Громова я не травил, хоть он того и заслуживает! Пачкаться из-за него не стану! На юбилей зашёл из любопытства, уже сто раз об этом пожалел. Думал, никто не заметит, все заметили! На кой мне Громова травить, если я уже с агрохолдинга ушёл? Так любого обвинить можно. Громов всех достал!

– Кто же тебе сигареты на реализацию дал? Уже не впервой?

– Не твое дело!

– Не дай Бог, чтобы это стало моим делом! Я сейчас позвоню в Ростов, приедут к тебе из Ростова люди в погонах,

увезут с собой. Надолго увезут, пока всё не расскажешь.

Леонид со злобой смотрел на детектива, курил сигарету.

– Волонсевич во всем виноват! Он здесь хозяин, ему все дозволено! – сказал Леонид. – За поганый мешок зелёнки с работы выгнал! А здесь другой работы нет! За дом плати! За газ, электричество и прочее плати! А я на аппетит не жалуясь! Это все из-за него! Жлоб проклятый! Из-за мешка зелёнки выгнал! Жить чем? Куда мне деваться?

– Лёня, – устало опустилась на табуретку Маша, – ты лучше ему скажи, чем ментам с Ростова! Этот из двух зол наименьшее. С Украины сигареты. И что? А там война! Кому война, а кому мать родна. Он давно там сигареты берёт, здесь продает, там денег ни у кого нет. Он ведь рискует, когда туда идет! Сейчас опасно стало. А жить на что? На мою зарплату? Волонсевич кричал, что Леня его опозорил! Дескать, родственник! Лучше б за женой следил! Она его опозорила! А Лёнька что? Все воруют и он ворует. Не надо ментов с Ростова! Хватит тех, что из-за Альберта людей допрашивают. Волонсевич им кабинет в конторе дал, обжились, чайником обзавелись! Уж, скорее бы все закончилось!

– Для вас все закончится сегодня утром, – Трубников достал смартфон, хотел набрать номер телефона.

Маша с возмущением смотрела на него:

– Я же все сказала! Мы мирные контрабандисты! Мы не наркоманы! Не мародёры!

– Дура! – вскочил с табуретки Леонид, – кому поверила?

Хочешь от меня избавиться? В тюрьму отправить?

Он ударил по руке детектива, смартфон упал. Трубников снова взял его за руку, но Леонид успел схватить со стола кухонный нож. Маша с побледневшим лицом выбежала из дома в халате и тапках. На этот раз Трубникову понадобилось не две минуты, а минут десять, чтобы успокоить Леонида. Он уложил его на пол в кухне, связал бельевой верёвкой, которую нашёл в столе. Вышел на порог. По-прежнему ураганный ветер и дождь. Маши нет, машины тоже нет. Вернулся в кухню. Леонид крутился по полу, вытирая его животом, ругался матом. Детектив устало опустился на табуретку, закурил свою сигарету «Бонд».

Маша, промокшая до нитки, вернулась через полчаса. Трубников осмотрел багажник машины, пусто, чисто и мокро. Вернулся в кухню, где уже стоял на плите чайник. Маши не было, а Леонид плакал сидя в углу. Маша развязала его, разрезав веревку, ушла принять душ. Вернулась в спортивном костюме и в огромных тапках мужа, поставила на стол блюдо с блинами, сметану, начала, как ни в чём не бывало заваривать чай.

– Маша, – спросил Трубников, – я знаю, что у вас в доме есть газ и вода, но я не знал, что горячая вода есть!

– Нет горячей, – ответила Маша, – котёл есть, греть долго надо. Я холодный душ приняла.

– Вы морж?

– С этой ночи я морж. Под проливным дождем, да ещё

ветер, чуть не утонула вместе с машиной.

– Не понял, где чуть не утонули?

– Что же ты, сыщик, наделал? – встал во весь рост Леонид, выхватил у жены кухонное полотенце и высморкался в него, вытер слезы, – напугал мою дуреху! Он с перепугу все коробки с сигаретами в озеро сбросила! Дура! Машка! Это ж я для тебя! Тебе на восьмое марта подарок хотел купить!

– Спасибо, Ленчик, за подарочек! Садись за стол! Все-таки масленица!

– Дура! – уже тише сказал Леонид, – какая масленица ночью?

– Зато теперь тебя никто в тюрьму не посадит! Как только у тебя язык повернулся такое сказать! Якобы я от тебя избавиться хочу! Сам ты дурак! Иди лучше к Волонсевичу, он отходчивый, обратно тебя возьмет, а то тебя угораздит вместо сигарет еще что-нибудь на реализацию,.. Ешь, садись, чего стоишь? Чай стынет!

Леонид плюхнулся на табуретку, обмакнул блин в сметану, сунул в рот, медленно жевал, глядя на Трубникова.

– Бывало, я на озере карасика поймаю для Васьки, – бормотал Леонид, – столько сигарет туда сбросила! Теперь рыба помрет!

– Карась приспособится, – успокоила его жена, – только запах поменяет с болотного на сигаретный. Устала я что-то, спать хочу.

Трубников встал, попрощался, направился к выходу.

– Подождите, – поднялась Маша, – вас Волонсевич привез и уехал, а ваша машина где? Дождь до костей пронизывает, ветром насквозь! Я только куртку накину, подвезу вас. Где ваша машина? А хотите, оставайтесь у нас ночевать.

– Нет, спасибо. Хотел бы озеро посмотреть, в которое вы коробки...

– Пожалуйста! Смотрите, ныряйте! Я только куртку накину.

– Я не знал, что вы умеете водить машину, где учились?

– Нигде. В селе надо все самому уметь: водить, ремонтировать... На кой мне права? Я только до дальнего огорода и обратно. У нас два огорода: рядом с домом и дальний. Вот озеро. А вон дом Мещеряковой. Надо же! Ей тоже не спится, свет горит.

– Откуда вы сбрасывали коробки?

– Вон мостки деревянные. Озеро маленькое, но глубокое, метра три будет, осторожнее, а то скользко!

Трубников вышел, осмотрел деревянные мостки. Дождь смыл все следы, ветер устроил на маленьком озере бурю. Вернулся в машину. Маша подвезла его до конторы агрохолдинга, где стояла его машина, уехала.

Катя-Катеринка, ягодка малинка

Остаток ночи он провел в гостинице в Матвеево-Кургане. Проснулся утром от неприятного чувства, что за ним кто-то наблюдает. Молодая женщина курила сидя за столом. Она обернулась, широко улыбнулась ему, поздоровалась.

– Я давно вас жду. Вы же детектив? А я жена Тимофея Ивановича. Меня Катей зовут. Вы не сердитесь, пожалуйста, за мое вторжение, у меня есть для вас важная информация.

Трубников молча встал, забрал одёжки, полотенце, ушёл в ванную комнату. Вернулся, открыл окно, слишком много дыма. Не присаживаясь, спросил у гостыи, как она вошла?

– Просто вошла, вы сердитесь? Я же работаю здесь, у меня ключи служебные. Нет, если вы пожелаете, то меня уволят. Я же извинилась! И у меня важная информация!

– Я слушаю вас.

– У Громова, я буду называть его Алик. Я его всегда так звала, он не возражал. У Алика были от Тимофея секреты. А от меня-то у него никаких секретов! И все же! Однажды он провёл ночь не со мной, а с женщиной! Меня за дверь выставил, урод! А к нему с Ростова приехал ещё один такой же урод! Только не подумайте обо мне плохо! Я под дверью не подслушивала! Они оба на повышенных тонах говорили, спорили, я думала, что подерутся. Ругались сильно! Я посмотрела карточку его в регистратуре: Антон Черноусов и

адрес в Ростове. На пять лет младше Алика, но тоже фронт! Я сперва испугалась, что Алик стал голубым. Нет. Они оба ругались из-за денег, оба одновременно ушли. Я в номер. Постель даже не разобрана. У меня от сердца отлегло. Это у них деловая встреча была! Нет, вы только подумайте! Деловая встреча в гостинице ночью! Ругались они отчаянно, не поделили какие-то деньги.

– Антон Черноусов, – прочитал Трубников на бумажке его адрес, – а раньше он сюда не приезжал?

– Нет, впервые! Я здесь всех постояльцев знаю! С Тёмой рассталась, перебралась сюда. Здесь работаю, здесь и живу. Я же была права? Это же очень важная информация?

– Когда приезжал Черноусов?

– Во вторник, 15 февраля. Приехал вечером, уехал затемно. Кушать в номер не заказывали. Вы на меня все ещё сердитесь?

– Екатерина, у вас же двое детей! Мальчик уже большой, но девочка совсем маленькая! Ваша мама живет в Яблоньках. Переезжайте к ней! Каждый день детей сможете видеть! Разве сами не тоскуете?

– Очень тоскую!

– Так в чём же дело? В деньгах? Много вы здесь зарабатываете?

– Деньги Тимоша дает. Он не жадный, я не гордая. Я свободолобивая! Тошно мне в Яблоньках! Такая тоска! Вы сегодня во сколько вернётесь? Что на обед закажите? У нас

кухня хорошая!

– Я на одну ночь. За информацию, спасибо. Сообщите об этом полиции.

– Тю!

Трубников вышел в коридор, вслед ему протяжным голосом неслось: «Когда вы вернётесь?»

– Бедный Волонсевич, – подумал он, – а за Черноусова спасибо. Надо дать задание Лукашову, чтобы выяснил, кто это?

Благоухание духов не сочетается с ведром и шваброй

Трубников вошёл в кабинет Волонсевича, когда там мыла полы уборщица Жанна. Она была одета в красивое черное платье, золотые сережки в ушах. Благоухание духов плохо сочеталось с ведром и шваброй. Но больше всего детектива поразило лицо уборщицы, столько в нем было вдохновенного благоговения, счастья! Выражение лица Волонсевича было противоположным. Он снова встал навстречу детективу, предложил кофе с пирогом, начал извиняться за то, что вчера не позаботился о его ночлеге.

– Нет, спасибо, до Ростова не так уж и далеко. Вы позволите мне поговорить с уборщицей?

– Жанна, – обратился к уборщице Волонсевич, – это детектив, ответь на его вопросы.

– Вы были на корпоративной вечеринке?

– Была. Меня пригласили.

– Далеко от вас сидел Громов?

– Рядом сидел.

– Что пил и кушал?

– Не помню. В чужие тарелки смотреть не привыкла. Хотя помню, он джем абрикосовый кушал. Целую баночку сам скушал!

– Жанна! – с укором сказал Волонсевич, – столы от яств ломились! Тебе джема жалко? Не хватило?

– Такого больше не было, кто-то свой принес, с косточками. Он ел, выплевывал и смеялся. А я не жалуюсь. Я очень хорошо покушала! Пирожки с вишнями вкусные были.

– Где вы были, когда он упал на пол?

– Я у самой двери уже была, уходить собиралась. Он не упал, он сполз на пол. К нему сразу Мещерякова подбежала, закричала.

– До этого Мещерякова подходила к нему?

– Разве упомнишь! Ели, пили, танцевали! Все туда-сюда ходили! Лёнчик пришёл, вдоль стола прошёл и обратно. Пирожок в рот сунул. Альберт Иванович не сразу сполз на пол, а когда натанцевался. Валентина Васильевна помогала на стол накрывать ещё до обеда.

– Спасибо, Жанна, больше вопросов нет.

Она домыла полы и ушла. Трубников обратил внимание на удрученное состояние Волонсевича:

– Ещё месяца два назад я запланировал поездку в Беларусь по делам агрохолдинга, а как теперь? На Украине стреляют, на первом этаже следователи кофе пьют, уезжать не собираются. Придётся всё-таки поехать, авось, ничего. Постараюсь поскорее обернуться.

– А с кем же дети?

– Со мной сестра живет, она присмотрит.

– Мне бы поговорить с главным инженером, как его зовут?

– Алексей Евгеньевич Павлов. Позвоню ему, прибежит.

Павлов не заставил себя ждать. Поздоровался с детективом, сел за стол.

– Во сколько же вы начали корпоративный обед?

– Запланировали на 14 часов, начали чуть позже. Женщины завозились, долго на стол накрывали. Громов пришёл где-то на час раньше, у себя в кабинете сидел. Жанна за ним ходила, приглашала его к столу. До этого, где был? Не знаю. Наверное, дома. Дома у себя, дома у очередной подружки? Он очень любил женщин, они его тоже. Как говорится: «Ищите женщину», когда речь идёт об убийстве. Хотите посмотреть его кабинет? Пойдёмте.

Они пришли в просторный кабинет. Все блестело чистотой. На подоконнике много герани, что весьма удивило Трубникова.

– Громов любил герань?

Павлов засмеялся.

– Нет, Громов любил женщин, которые любят цветы. У нас у всех на подоконниках цветы с тех пор, как Жанна пришла. Громову было безразлично, что у него на подоконнике. Впрочем, не знаю, но сомневаюсь, что он любил герань.

– У него были отношения с уборщицей? – удивился детектив.

– Не знаю. Дочка у Жанны маленькая, в детский сад с моей ходит. Наши дети дружат.

Трубников осмотрел стол, выдвинул и задвинул ящики

стола – пусто.

– Они все забрали, поэтому и кабинет не опечатали. Следователь Скуратов, что на первом этаже. Вы не знакомы?

– Нет, это же следователь из Матвеево-Кургана, а я из Ростова, мы не знакомы.

– А я сподобился побывать на допросе.

– Вы тоже под подозрением?

– Все, кто за столом сидел, под подозрением. На душе гадко после допроса.

– Когда Громов вошёл в зал, вы уже были там?

– Да, его долго не было, позже всех пришёл.

– Каким он был: улыбался или нервничал?

– Как всегда. Самоуверенный и самодовольный. Не вошёл, а вплыл в зал, торжественно и важно. Нет, не нервничал. За ним семенила Жанна, села рядом. Он ей вина налил, а она не пьет.

– Познакомьте меня с мамой Громова, пожалуйста. Она рядом живет?

– Вряд ли она что-то сможет сказать. Горе сломило ее. Плачет. Осталась одна. Я сначала позвоню ей, примет ли она нас?

– Когда похороны?

Не знаю. Кремация в понедельник. Она хочет подзахоронить сына к отцу на старом кладбище. В прошлом году муж, сейчас сын. Жалко ее.

– Она давно здесь живет?

– Давно, только наполовину. Обычно летом здесь, а зимой в Ростове. Там квартира у них. А сейчас всю зиму почти здесь, поближе к сыну. Поехали, она примет вас. А я с вашего позволения по своим делам. Работы много. Технику к весне готовить надо. Уже март! Раньше в это время и на той стороне к посевной готовились. А сейчас засеяли поле минами! У многих родственники на Украине, пешком ходят туда-сюда! А там мины! Сколько раз объяснял, бесполезно!

– Позвонил Владимир Лукашов:

– Антон Николаевич Черноусов, образование высшее, разведен, от первого брака есть сын, – индивидуальный предприниматель. Раньше 10 лет работал кадастровым инженером, сейчас тоже занимается вопросами межевания земельных участков. В меру упитанный, рост метр восемьдесят. Волосы светло-русые, глаза серые. У него есть девушка, зовут Наташа, она любит театр и филармонию. В воскресенье они собираются в драматический.

– Спасибо, Володя. Пойдешь в театр вместе с Сашей Шаповаловым.

– Приехали, – сказал Павлов.

Они остановились возле скромного одноэтажного дома, который мало чем отличался от дома Леонида и Маши. Разве что окна почище. Во дворе такая же летняя кухня, но все выглядит аккуратнее. Ухоженность и чистота. Павлов представил Трубникова и откланялся.

Я одинокая женщина! Не надо ко мне приходить!

Ирина Даниловна хорошо сохранилась для своих 56 лет, но впечатление портили заплаканные глаза, мешки под глазами. Было видно, что она больно переживает смерть единственного сына. К его удивлению, вместе с матерью Громова к нему вышла Мещерякова.

– Валюша приходит, чтобы поддержать меня в трудное время, – объяснила Ирина Даниловна, – помогает по хозяйству, спасибо ей. Присаживайтесь. Сейчас будем обедать, Валюша сварила супчик с грибами. Я уже несколько раз давала показания следователю, теперь вам. Чувствую себя плохо, мысли путаются, болит голова. Сначала пообедаем, потом вы начнете задавать вопросы. Буду рада помочь вам.

Я не понимаю, кому и за что понадобилось убивать моего сына? У него не было врагов! Он умел ладить со всеми! Алик был таким талантливым! Талантливый, умный и очень добрый человек! Как переменчива жизнь. Кажется, ещё вчера у меня были муж и сын. Семья! Дом – полная чаша! Нет, мы не богачи! Какое там! Только покушать ни в чем себе не отказывали, одеться могли побогаче других. Деньжата были, но после похорон сплыли, а теперь ещё и Алика хоронить. Волонсевич сказал, что поможет.

Я осталась совсем одна! С тех пор, как умер Алик, я перестала спать по ночам, а днём хожу разбитая, с головной болью. Снотворное пить боюсь, чтобы не привыкнуть. Спасибо, Валюше, забегает иногда, не оставляет меня. Она ведь дружила с Аликом.

– Прошу к столу, – позвала их Мещерякова, – пойдёмте, Николай Федорович, я дам вам чистое полотенце, помоете руки. Я приготовила суп с грибами, блины с вареньем, все же масленица. Масленица, прощенное воскресенье, вы православный или атеист?

– Православный. Жена в церковь ходит, посты соблюдает. Я тоже стараюсь, но не получается, я мясо люблю.

Трубников помыл руки и сел за стол. Суп оказался вкусным.

– Если православный, то надо посты соблюдать, – рассуждала Мещерякова.

– Валюша, ты права, но я не согласна. Я полагаю, что гораздо важнее научиться прощать и любить. Супчик вкусный, спасибо. А вам нравится?

– Очень, спасибо, – ответил детектив. – Вы сказали, что у Альберта не было врагов, а друзья? С кем он дружил?

– Со всеми, – ответила Ирина Даниловна, – с Валюшей, с Волонсевичем, с Павловым... В Ростове у него тоже друзья были. Не знаю, придут ли на похороны. Я ещё не знаю, когда похороны, сначала кремация. Я не хотела, но иначе нельзя позахоронить к отцу. Им же рядом вместе будет легче. И

мне будет легче ухаживать.

– Друзья в Ростове? Здесь друзья – это люди, с которыми он работал, а в Ростове?

– С которыми отдыхал. Он с детства любит шахматы. А здесь играть не с кем, разве что с детьми. Бывает, уйдет, всю ночь напролет в шахматы играет! Очень талантливый мальчик! Сыночек мой! На кого же ты меня оставил? Как я теперь жить буду?

– А друзья по соседству жили? У вас же квартира в Ростове?

– Да, есть маленькая двушка. Я не знаю, где живут его друзья. Я и имен-то не знаю. Недавно хотела позвонить, пригласить на кремацию. Искала, искала телефоны... Одного только нашла Позвонила ему. Он узнал, что Алик умер, аж, вскрикнул! Обещал прийти. Миша, а фамилию не знаю. Он с ним часто в шахматы играл. Видела его один раз мельком. Стояла у окна, когда Алик к нему в машину сел. У Алика своя машина есть, но они же вместе поехали в шахматный клуб. Всю ночь напролет! Мой сыночек был очень умным! С детства шахматы любил! Разряд имел! Лучше бы я умерла, только бы Алик жил. Валюша, принеси винца. Выпьем за упокой! Тяжело на сердце.

Мещерякова ушла. Громова тяжело вздохнула, тихим шепотом начала говорить:

– Валюша влюблена в Алика! Вы не поверите! Она же ему в матери годится, но она бегала за ним, как девочка! Стыд

потеряла! Даже сюда приходила, якобы по работе. Вечером в воскресенье! По работе! Алик – добрейший человек! Ему просто было жалко дурочку! Он ее апельсинкой угостит, а она уже возомнит себе, что он отвечает взаимностью. Одинокая женщина! Ей 46 лет, уже пора бы угомониться. Я не привечала ее. Но сейчас совсем другое! Горе объединило нас. А за Аликом многие бегали! Выбрать не успел.

Пришла Мещерякова с бутылкой кагора и штопором. Поставила три бокала. Трубников открыл бутылку, разлил дамам и себе.

– Эти бокалы Саша привез из Праги. Ещё в советское время ездил туристом. Привёз шесть бокалов и радовался, как ребёнок. Почти все поразбивались. Как же я дальше жить буду? Каждый предмет, каждая мелочь в доме напоминает мне о Саше и Алике! Все вызывает боль! За что мне всё это, Господи?

– Ирина Даниловна, вы можете продать дом в Яблоньках, квартиру в Ростове, уехать к себе на родину, – сказала Мещерякова.

– На родину? Валюша! Я приехала в Ростов учиться сразу после школы! В моем городке уже и родственников не осталось, а если и есть, то связи потеряны! Кому я нужна? И кто будет ухаживать за могилкой? Кроме меня некому. Каждый должен выпить свою чашу до дна! Кому, что уготовано! От судьбы не уйдешь.

– Спасибо за обед, – поднялся Трубников, – все было

очень вкусно, главное, вовремя! Извините, но мне пора.

– Спасибо, что заглянули на огонек. Заходите ещё, Валюша, проводи. Кремация в понедельник в Ростове на 14 часов назначено. Приходите, если хотите попрощаться, хотя вы же не были знакомы.

– Обязательно приду, хотя и не был знаком. За вами ехать?

– Нет, спасибо, Меня Алеша Павлов повезёт. Он тоже будет. Хоть бы вы поскорее нашли убийцу! Неизвестность угнетает. Что произошло на корпоративе? Как такое могло случиться? Никто ничего не понимает, но всем не по себе. Мне страшно. Кто убил? За что? Ведь Алик был добрейшей души человек!

Мещерякова проводила детектива до калитки, зябко ежась.

– Вы бы пальто накинули, все же зима! Скорее домой, спасибо.

Но она не уходила, стоя у самой калитки, не пропуская его пройти. Он удивленно посмотрел на нее:

– Вы что-то хотите сказать? Мне зайти к вам? Я знаю, где ваш дом. У самого озера. Так ведь?

– Нет, – отшатнулась от него Мещерякова, – дом у самого озера! Однако вы уже успели ознакомиться с селом! Не хочу я ничего сказать. Не надо ко мне приходить. Я одинокая женщина! Не надо меня компрометировать визитами. Если что, то в рабочее время. Где мой кабинет, вы знаете.

Мне теперь в шахматы играть не с кем!

В среду Трубников ждал процессию в морге. Вернее, стоял возле него, на ступеньках, курил, смотрел, где же Ирина Даниловна и все остальные? Неподалеку стоял франт в белом шарфе. Его черным кучерявым волосам позавидовала бы любая красавица. Пошёл снег. Крупные снежинки таяли сразу же, опустившись на землю. Франт зябко поёжился, ушёл в здание морга. Трубникову не хотелось туда идти, хотя и было очень холодно, промозгло. Слишком много людей, многие плачут или больны скорбью, которая бывает заразной. Он пришёл, чтобы познакомиться с таинственным другом Альберта Мишей, подробнее узнать о ночах, проведенных за игрой в шахматы. Что-то не верилось, что Альберт был столь сильно увлечён шахматами.

Скоро два часа, а их все нет. Трубников курил, ждал. Невольно вспомнил про Сашу Шаповалова, своего помощника, студента юрфака. Способный малый. Сумел подружиться с Черноусовым сразу же при первой встрече. Приглашён к нему в гости на день рождения. Какие странные друзья у Альберта. Черноусов: кадастровый инженер, умный, деловой. Создал свое дело, пользуется авторитетом. Независимый эксперт по межеванию, составлению технических пла-

нов земельных участков. И Миша... Что за Миша? Неужели и вправду ночами напролёт в шахматы? Все может быть, надо проверить. Хотя вряд ли Миша или Черноусов имеют отношение к убийству Альберта. Действительно ничего невозможно понять: кто убил, за что? И у всех на глазах! Кто-то из своих. Миша и Антон Черноусов ни при чем, но все же надо проверить.

В Яблоньках детектив обошёл всех. Запуганные и затравленные взгляды, страх! Волонсевич уехал, дела агрохолдинга превыше всего! Ни одной толковой версии! Ни одной ниточки, уцепиться не за что! Уже неделя прошла! Подъехала машина Павлова. Трубников пошёл к ней. Из здания крематория выбежал фронт, промчался мимо Трубникова к машине, галантно помог Ирине Даниловне выйти, повёл в крематорий. Она остановилась возле Трубникова, представила его:

– Миша, друг Алика, шахматист. Николай Федорович, частный сыщик, расследует убийство.

Тем временем из машины Павлова выходили люди. Трубников краем глаза наблюдал и считал, удивляясь, как они все поместились? Последней вышла Мещерякова. Все направились в крематорий, началось отпевание. Ирина Даниловна и Мещерякова одновременно заплакали, Павлов с женой сохраняли торжественность. Миша пятился к выходу. Трубников перехватил его на лестнице, когда он уже резво бросился к своей машине. К чести Миши надо сказать, что он умел сохранять хорошую мину при плохой игре. Вежливо объяснил,

что почувствовал себя плохо, вернулся за лекарствами, они в бардачке. Торопливо пошарил в бардачке, сунул в рот то ли конфету, то ли таблетку. Вежливо улыбнулся детективу:

– Я тоже хочу, чтобы убийцу Альберта поскорее нашли и наказали! Рад помочь вам, но что я могу сказать? Мы часто играли в шахматы в клубе. И это, пожалуй, все! Его убили не шахматы, а цианид! Узнал бы, кто это сделал, сам бы того убил! Его убил кто-то, кто сидел рядом с ним за столом! Это даже мне понятно! Вы не там ищите!

– Вы отказываетесь ответить на несколько моих вопросов? Я правильно вас понял?

– Нет! Я готов, если это поможет! Хоть сейчас. Слушаю вас. Только пройдемте туда, под козырек, снег хуже дождя, уже весь промок.

– Я когда-то тоже увлекался шахматами, ходил в клуб на Чехова. Сейчас дома играю. Клуб по-прежнему на Чехова?

– Миша долго и старательно расправлял белый шарф на груди, удовлетворенно осмотрел себя, посмотрел на детектива:

– В огороде бузина, а в Киеве дядька! При чём здесь шахматный клуб? Его не в шахматном клубе убили, а на банкете! Нет, я готов ответить на вопросы, но по существу.

– Давно вы с ним дружили?

– Давно. Несколько лет, точнее не могу припомнить, но не с детства.

– Познакомились в шахматном клубе?

– Не припомню. Послушайте! Это же не с девушкой знакомиться! Если бы с девушкой, то я бы все до последней детали помнил. Как-то само собой получилось. Встретились, разговорились. Кажется, была презентация.

– Презентация чего?

– Продукции агрохолдинга. Я тогда работал рекламным агентом, тщетно пытался раскрутить Волонсевича на рекламу. Он хотел расплатиться за рекламу своей продукцией, моему начальству не требовалось ни варенья, ни джема, ни даже клубнички. А денег Волонсевич не дал, рекламы не было, но с Альбертом я познакомился, подружился.

– Вы работаете рекламным агентом?

– Это было очень давно. Сейчас у меня более интересная работа, а где и кем? Я не скрываю, но вы-то здесь при чём? Я же Альберта не убивал! Я за него горой! Мне теперь в шахматы играть не с кем!

– Моя кандидатура вас не устраивает? Разряда у меня нет, но играю неплохо.

– Не знаю, не знаю...

– Возьмите визитку, вдруг надумаете. Мне было бы интересно поиграть с вами и не только в шахматы.

Миша внимательно посмотрел на детектива, взял визитку, молча ушёл в прощальный зал.

Трубников проводил его взглядом и внимательно посмотрел на номер его машины.

Поминок не было. Их решили провести в день похорон.

Ирину Даниловну торжественно усадили в «резиновую» машину Павлова, сели туда же и остальные, уехали. Миша умчался раньше всех. Трубников отправился домой. Долго стоял в пробке. Снег или дождь и сразу пробки. Дорога домой заняла два часа, засела тупой болью в левом виске. Единственное, о чём он мечтал: принять душ и лечь спать. Позвонил помощнику Володе Лукашову, продиктовал марку и номер машины, попросил воспользоваться своими дружескими каналами и выяснить, кто же такой шахматист Миша?

Смартфон прокипел хорошо!

Утро удивило его сенсацией. Из новостей Трубников, к своему удивлению, узнал, что вчера взята под стражу по подозрению в убийстве сына И.Д. Громова. Несмотря на пробки, ураганный ветер и снег он помчался в Яблоньки. Ему казалось, что следствие не зашло в тупик, а сошло с ума! Он не понимал логики следствия. Сам бы он до такого никогда не додумался.

Только в дороге он вспомнил, что сегодня же восьмое марта! Скорее всего, в конторе никого не будет, даже законников с их чайником. Вот уж чайники! Несчастливая и без того убита горем! Они её же в убийстве подозревают! Зачем же ей единственного сына убивать? Белены обелись! Был бы Лагутин, я бы сразу к нему! А в Матвеево-Кургане никого не знаю. К ней даже Багдасарова не пошлешь, он ни за что в такую даль не поедет. Мещерякова, Павлов могут что-то знать, хотя бы с ними поговорить. Почему-то их телефоны не отвечают, что там происходит? Не надо было мне в Ростов уезжать, там надо жить! Нет, не получится там жить. Этот Миша доверия не внушает, да и Антон Черноусов для меня загадка.

Снег с дождем усердствовал, создавая пробки в Ростове, на трассе М4. Трубников постоянно названивал то Павлову, то Мещеряковой, отключены телефоны. Приехал в Яблоньки только во второй половине дня. По-прежнему шёл дождь

со снегом. Сразу поехал к Мещеряковой. Темные окна, тихо. На стук никто не отвечает. Нет дома. Где живет Павлов, он не знал. Хотел спросить у соседей Мещеряковой, но, хотя там и горел свет, никто не открыл. Другие соседи открыли форточку. Детский голос крикнул: «Родителей нет дома!» Да, атмосфера страха сгущалась, затягивала всех. Ему самому было не по себе. Остановился, проезжая мимо конторы, на всякий случай, а вдруг там кто-то есть?

Он подошёл к двери, чтобы постучать, поискать кнопку звонка, но вдруг остановился. Он почувствовал смерть. Это невозможно передать словами. Только тот, кто многие годы отпахал в полиции и других силовых структурах, люди, которые много раз по роду службы видели смерть, смогут понять его. Двухэтажный дом с погасшими окнами. Всё закрыто и темно, тихо. И всё же он был уверен, что в доме труп. Когда он набирал номер телефона полиции, его пальцы дрожали. Подумал об отпуске, впервые с тех пор как занялся частным сыском.

– Слава Богу, – подумал Трубников, – что принят недавно закон, теперь можно войти в контору и осмотреть все комнаты и кабинеты. А вдруг ошибся? Нет. Такое чувствуешь всей душой, кожей. Нет, случилась беда. Кто же следующий? Он расстегнул пальто и снял шапку, хотя было холодно.

– Приехала полиция. Открыли дверь, вошли. Осмотрели оба этажа, каждый кабинет, даже туалеты. Никакого трупа,

только грязно. Грязные полы, в корзинах мусор, кое-где даже высыпался на пол. Уже собирались уехать, но Трубников остановил их:

– Идите сюда, – крикнул он из-под лестницы на первом этаже.

Они спустились, заглянули в каморку, где Жанна хранила ведра, швабры и прочий инвентарь. Жанна лежала лицом вниз в неестественной позе. Все повторилось в кошмарном сне: прибежала пожилая фельдшер, хотя и без неё было ясно, что Жанна мертва. Кто-то накинул петлю, подойдя к ней со спины. Верёвки рядом не было, убийца унес с собой. Потом приехала «Скорая», за ней труповозка. Приехал следователь Скуратов, человек старой закалки в преклонных годах.

На этот раз Трубникову удалось осмотреть место преступления, не обнаружил никаких следов. Он давно не чувствовал себя так гадко. Не ожидал такого поворота, ничего не понимал.

– У неё же дочка маленькая, – вспомнил Трубников, – уже полночь скоро, с кем же она?

Фельдшер отвела его к дому Жанны, объяснила, где живёт Павлов. Попросила позволить и ей проведать дочку Жанны.

Они долго стучали в дверь, Открыл сосед Жанны, увидев фельдшера удивился:

– Мы все, слава Богу, здоровы, не вызывали врача

– Танюшка где? – пошла на него грудью фельдшер, – пусти, дай пройти!

– Нина Сергеевна, да вы что? Откуда мне знать, где Жанка, где Танька? Спят. Тихо у них.

– Ключи есть от их комнаты? – наступала на него фельдшер, – а ну-ка дверь открой!

– Откуда у меня ключи? Это ж не дочь моя, а соседка! Постучи, сами откроют.

Он постучал кулаком в дверь. Тишина. Постучал сильно и громко, покричал. Тишина.

Трубников подошёл к двери, осмотрел нехитрый замок. Попросил у хозяина нож или отвертку. Недовольный хозяин ушёл. Куда-то исчезла фельдшер. Детектив удивленно оглянулся. Нина Сергеевна стояла на коленях и молилась, слезы текли по ее щекам. Он бросился к ней с утешениями, крикнул, чтобы принесли воды. Появилась жена хозяина, побежала в кухню за водой и табуреткой. Нину Сергеевну усадили, дали воды.

– Дверь скорее откройте! – сказала она, – Таня где? Ей три года! Что за напасть? Сначала Громов, теперь Жанна! Что же это делается?

Трубников открыл дверь, все вошли, включили свет. Пусто и чисто, никого нет, только плюшевый медведь на кушетке. Обстановка спартанская.

– Ребёнок где? – прошептала Нина Сергеевна.

– У вас есть телефон Павлова? – спросил Трубников, – Павлова или его жены? Я звоню, но его телефон весь день не отвечает. Он говорил, что их дети дружат.

– Думаете у него? – фельдшер достала телефон, набрала номер сначала Павлова, потом его жены. Настя ответила сразу. Подтвердила, что Таня у них.

– Жанна почему-то не забрала ее, наверное, ещё убирает в конторе. Обещала вечером забрать. А телефон мужа не отвечает, потому что он его сегодня вместо яиц вкрутую сварил. Хотел мне на восьмое марта подарок сделать, приготовить салат. Его следователь в контору вызвал, он ушёл. Даже ночью покоя нет! Когда же это все закончится?

– Нина Сергеевна пожелала ей спокойной ночи, встала, направилась к двери, но обернулась на Трубникова.

– Вас подвезти? – догадался он, – пойдёмте, подвезу до вашего дома. Слава Богу, что с Таней все нормально.

– А Жанка где? – кричал им вслед сосед Жанны.

Сама, дура, виновата!

Трубников отвез Нину Сергеевну и вернулся в контору. Вошёл, когда оттуда выходил Павлов с обиженным лицом. Они остановились на пороге:

– Жанку убили! – сильным голосом сказал Павлов, – а Таньку куда? У неё же нет никого! Мать Громова в СИЗО упекли, а за что? Чем дальше, тем страшнее! Я Волонсевичу позвонил, он уже в Белоруссии, быстро приехать не сможет, не раньше чем через неделю. Громов многим насолил, а Жанна? Божий одуванчик! Расследуйте скорее! А то нас всех поубивают! Мне самому страшно стало.

– У меня нет никакой информации! Почему взяли под стражу Громову? Я не могу прийти с вопросом к следователю, это тайна следствия.

– Эх! – протяжно вздохнул Павлов, – я хоть и главный инженер, а не следователь. Но я в этом селе родился и вырос. Нет у нас в селе тайн! Все всё друг про друга знают. Вы думаете, что кто-то нечаянно разбил посуду, из которой ел и пил Громов? Я тоже так думал. Люди, кто рядом был, сказали, что Жанна разбила его бокал, тарелку. Сразу же специально разбила.

– Почему же вы об этом следователю не сказали?

– Меня он об этом не спрашивал, я не стукач на своих доносить. Они и сами дознались. Жанка – простая душа. На-

до ж было сперва помыть, а потом разбить. Они осколки собрали, экспертизу провели. Видать что-то отпечаталось на осколках, но при чём Ирина Даниловна? Откуда мне знать? Ирины Даниловны на банкете не было. Она прибежала, когда ей о смерти сына сообщили. Чертовщина какая-то! У меня голова заболела. Смартфон сегодня вместо яиц сварил. Дорогой смартфон, жалко! Хотел жене помочь, сам салат оливье приготовить. Уже второй час ночи, айда по домам. Вас же Волонсевич на постой не определил? Ко мне! Все поместимся.

– Спасибо, не надо. Да, но почему у Мещеряковой телефон молчит?

– Спит. Напилась снотворного и дрыхнет! А у меня дома Танька спит, утром проснется, спросит, где мама? Что я ей скажу? И Волонсевича нет! Поехали по домам, утром увидимся, ещё наговоримся.

– За что Жанна убила Громова?

Павлов вздрогнул и удивленно посмотрел на Трубникова

– А почему вы решили, что это она?

– Она же бокал разбила! Наверное, она и обработала его ядом.

– Жанна? Никогда не поверю, что Жанна убила Громова! Что-то не то. Устал немножко. День тяжёлый был. Спокойной ночи.

Он ушёл. Трубников курил, боль сверлила левый висок, хотелось выпить отнюдь не кофе. Он тоже ничего не пони-

мал. Если Жанна убила Громова, то кто убил ее? Только бы не было третьего трупа! Утром надо обязательно поговорить с Мещеряковой. Долго же она спит, с утра ей названивать начал. Мещерякова Валентина Васильевна, 46 лет, не замужем, образование высшее. Живет одна в частном доме у самого озера. Телефон с утра молчит! Что-то не то!

Трубников не пошёл, а побежал к своей машине, быстро приехал к дому Мещеряковой. Темно, тихо, собаки у неё нет. Открыл калитку, подбежал к дому, дверь заперта, заглянул в окно. Мещерякова стояла на стуле посреди комнаты. Он разбил окно, в один момент оказался рядом с ней, но она уже отшвырнула стул, он с грохотом упал на пол. Трубников подхватил её за ноги. Она отпихивала его ногами, хрипела, петля сдавливала её шею. Он сумел поднять стул, встать на него, но вынуть ее из петли не просто. Он сорвал люстру. Вырвал с корнем. Оба упали на пол. После этого он ослабил петлю, вынул голову несчастной женщины. Усадил её в кресло, принес из кухни воды. Осмотрел шею:

– Успел вовремя. Ничего, до свадьбы заживет. Рассказывайте. Я слушаю очень внимательно.

– Хм!

– Подробнее, пожалуйста.

Мещерякова встала и медленно подошла к столу, включила компьютер. Трубников молча наблюдал за ней. Она открыла письмо:

– Читайте!

Он сел за стол и начал читать письмо, потом просмотрел всю ее почту. Письма с угрозами начали поступать со дня смерти Громова. Угрожали не убийством, а дискредитацией, обещали обнародовать какие-то пикантные фильмы.

– Нужны пояснения, – встал он из-за стола. – Я понял, что кто-то шантажирует вас.

– Да. Сама, дура, виновата! Влюбилась на старости лет! Громов использовал меня. Это я потом поняла. Он мечтал построить в селе отель для отдыха богатых людей. Я не видела в этом большого греха, помогала ему. Вначале он заслал своего человека, чтобы скупить акции у ветеранов. Тогда бы у него был контрольный пакет, он смог бы игнорировать Волонсевича с его любовью к фруктово-ягодному производству, которое, кстати, дает малую... Практически не дает прибыли!

Волонсевич прознал о покупателе акций, устроил бучу, покупатель сбежал. Тогда Альберт обратился ко мне. Я пользуюсь авторитетом в селе. Они бы послушали меня. Волонсевич хорошо ко мне относится, все знают. Альберт хотел, чтобы я выступила на акционерном собрании, уговорила бы ветеранов продать ему свои акции. А собрание запланировал на то время, когда Волонсевич в командировке.

В начале года мы всегда проводим собрание, Волонсевич знал об этом, не возражал. Он доверял мне, не ожидал подвоха от Громова. Волонсевич знал мою маму. Она с ним в дальнем родстве. Он построил для нас этот дом. То есть не

он, а агрохолдинг. Агрохолдинг оплатил мое обучение в РГ-ЭА, сама бы я не смогла. С любой проблемой я могу прийти к нему, он всегда поможет мне. Я не хотела предавать его. Альберт заставил! Не ожидала, что он окажется такой сволочью! Мы вместе с ним ездили в отпуск. Всего лишь на неделю на море. Я не знала, что он весь отпуск фиксирует на пленку.

Дискредитация страшнее смерти, но я не хотела умирать. Нет! За что? За какой грех? Я поверила, что он любит меня, что женится на мне! Поверила, полюбила! А время шло, приближался срок проведения собрания акционеров. Волонсевич собирался уезжать в Беларусь по делам агрохолдинга. Все шло по плану Альберта. Только меня не устраивал этот план. Тогда я придумала свой. Во время планёрок Альберт всегда сидит за столом напротив Волонсевича. Я обмазала цианидом бокал, поставила его на то место, когда помогала Жанне и другим накрывать на стол. Только не спрашивайте, где достала цианид. Не хочу подводить подругу, она работает с ядами в лаборатории в Ростове. Я думала, что если умрет Альберт, то всё вернётся на круги своя.

Увы! Я думаю, что Жанна заметила, что-то! Дурочка! Захотела меня прикрыть, разбила его бокал! Но я не убивала Жанну! Я не убивала ее! Я не знаю, кто пишет мне эти письма! Не знаю, кто убил Жанну! Иногда мне кажется, что Альберт с того света преследует меня, заставляет выполнить обещанное. Уговорить ветеранов на собрании акционеров продать свои акции Ирине Даниловне, теперь она наследник,

других нет. Я думала, что Альберт один мечтает о зоне отдыха. Оказывается, за ним кто-то стоит. Кто? Кто этот злодей? Он грозит показать фильм с пикантными подробностями отдыха на море всему селу. Зачем вы не дали мне умереть? Я запуталась, как девчонка! Выхода не вижу. Собрание акционеров послезавтра.

– Послезавтра? У нас ещё целых два дня и две ночи! Повеситься всегда успеете, не надо торопиться. Вы не будете возражать, если к вам на денёк-другой гостя подкину? Есть у меня юный друг Дима. Очень хорошо разбирается в компьютерах. Надеюсь, что он сможет выяснить, кто скрывается за личиной шантажиста. Но ему надо поработать на вашем компьютере.

– Да, только люстра и разбитое окно. Но я все почию сегодня же. Сейчас нельзя. Три часа ночи. Он когда приедет?

Трубников говорил по телефону. Обернулся к Мещеряковой:

– Днём приедет к вам в контору, вы уже сами его к себе домой.

– На работу? Жанна повесилась, Ирина Даниловна за решеткой! Всё из-за меня, а я на работу?

– Да, вы на работу. Валентина Васильевна, вы наделали уже слишком много глупостей, теперь, пожалуйста, давайте сотрудничать вместе. Утром вы приходите в свой кабинет и работаете. Днём к вам приезжает мой Дима. Ведёте его сюда, он садится за компьютер и работает. Отсутствие люстры и

разбитое окно ему не помешают. И никакой самостийности! Мой телефон у вас есть. Впрочем, я буду сам звонить вам. Вы утверждаете, что это вы отравили Громова?

– Да, я. Пойду утром к следователю, сознаюсь, покаюсь.

– Чистосердечное признание облегчит вашу душу. Но все же я привык все проверять, даже чистосердечное признание. Где вы взяли цианид? Где хранили? В чем хранили? Где сейчас остатки?

– Слишком много вопросов. Цианид взяла у подруги, которая живёт и работает в Ростове. Имя не скажу. Дала ей баночку из-под хрена. Вот точно такую, как эта. Маленькая с крышечкой: «Дядя Ваня» Хрен столовый». Помазала ядом края бокала. Я за этим бокалом наблюдала, чтобы его только Алька взял, чтобы никто другой! Ждала, когда он начнёт пить. Он речь прочитал, сел, налил вина себе и Жанне, выпил. Покушал пирожок, снова выпил. Танцевал ещё долго, снова ел и пил. Я сидела и наблюдала, ждала. Я жалею теперь, что сделала это. Надо было сбежать от него, просто уехать из села.

– Баночка не такая уж и маленькая для цианида. Неужели весь на бокал ушел?

– Нет, много осталось. Я выбросила в озеро.

– Пойдемте, покажите. Баночка была тяжёлой?

– Нет, легкой. Я просто бросила ее в воду. Дура! Надо было камушек внутрь! Она же не утонула! Хотя о чём я волнуюсь? Я же решила утром к следователю идти, надо сразу

вещи для тюрьмы собрать. Одежки теплые.

– Вы давно знакомы с подругой из Ростова? Доверяете ей?

– Да. Я принесла ей баночку, она наполнила ее ядом, вернула мне. Я ей за это смартфон подарила. Вот, я спустилась по этим мосткам. Постояла здесь немного. Потом размахнулась и бросила баночку в воду. Все.

Они вернулись домой к Мещеряковой. Она заткнула разбитое окно подушкой. Открыла шкаф, достала спортивный костюм.

– Что вы делаете?

– Вещи собираю.

– Я вам уже сказал, что завтра утром вы идёте на работу, чтобы весь день работать. На работу, а не к следователю! Вещи собирать рано! Солнышко! Если бы вы обмазали цианидом края бокала, то Громов умер бы моментально! Ваша подруга обманула вас!

– Не может быть! Оксана! Ксюшенька!

Мещерякова дрожащей рукой набрала номер телефона подруги. Она долго не брала трубку. Наконец отозвалась. Объяснила, что она в тюрьму не собирается, даже за дорогой смартфон. Никакого яда она ей не давала, а в баночке был клейстер бесцветный, без вкуса, без запаха и без вреда для здоровья. Попросила к ней больше с такими просьбами не обращаться и по ночам не звонить.

– Господи! – радостно воскликнула Мещерякова, – как же мне кушать хочется. Вчера утром дома позавтракала, с тех

пор ничего не ела.

– Я тоже голоден.

Он прошел в кухню, включил свет, открыл холодильник. Разочарованно посмотрел на одинокий лимон. Открыл морозилку, пусто.

– Я бы с такой жизни тоже повесился! Лимон я не хочу. Картошка, гречка есть? Вы не держите кур? Я бы с удовольствием покушал домашнюю курочку.

– Нет у меня кур. Есть чай и кофе, кипятка еще нет.

Мещерякова принесла капусту, банку соленых огурцов, муку, постное масло.

– Не понимаю, почему бы не хранить все это в холодильнике?

– Я давно забыла про холодильник, про еду. Совсем не хотела есть. Каша будет готова через полчаса. Кофе или чай?

– Каши.

Она достала лимон, помыла его, порезала. Закипел чайник. Очень быстро на тарелке выросла аппетитная горка блинов. Трубников помыл руки, сел за стол.

Они молча ели блины, пили чай с лимоном. В кастрюле варилась гречневая каша.

– Вы родились и выросли в этом селе? – спросил детектив.

– Да. И я не хочу уезжать отсюда.

– Мне кажется, что долгими зимними вечерами одинокому человеку здесь тяжелее, чем в городе. Пойти некуда, в четырех стенах.

– Есть же телевизор, интернет, книги. Соседи в гости заходят. Я заправлю кашу сливочным маслом, ничего?

– Замечательно! Очень люблю гречневую кашу! А про капусту забыли?

Она поставили перед ним тарелку гречневой каши, тарелку капусты. Села рядом двумя руками взяла кружку, задумалась.

– Не печальтесь, все образуется.

– Весь наш агрохолдинг держит один Волонсевич. Его все уважают, его все боятся. Не понимаю я логику Альберта. Он рассуждал, что, присоединив 20 процентов акций, он будет командовать. Но Волонсевича невозможно игнорировать, не такой он человек. Как же он хотел его игнорировать?

– Пока не пройдет собрание акционеров никто не посягнет на жизнь Волонсевича, но после собрания, если 20 % акций перейдут к матери Громова, я не дам и ломаного гроша за его жизнь. Поэтому прошу вас утром выйти на работу, Спокойно работать весь день, ничего не бояться. Чего боитесь, то и случается. Ничего не предпринимайте, не посоветовавшись со мной.

– У вас уже есть план? Кто убил Жанну? Как помочь Ирине Даниловне? Мне страшно.

– Возьмите себя в руки. У нас ещё два дня и две ночи, разберёмся!

Утром Трубников медленно ехал по селу в контору. В школу шли дети. Шли в школу и дети Волонсевича. Жена

главного инженера вела свою дочь и дочь Жанны в детский сад. Ярко светило солнце. Девятое марта. Никакого дождя, снега, никакого ветра. Чистое голубое небо и солнце.

Неуязвимые кадастровые инженеры и их жертвы

Трубников с тяжелым сердцем шёл в лабораторию. Еще совсем недавно здесь единовластно командовал его друг Липкович. Он умер одним из первых, когда ещё не было никаких прививок, а слово «ковид» вызывало ужас. После его смерти они перестали выезжать на рыбалки, перестали собираться у кого-нибудь дома. Раньше собирались часто своим дружным мальчишником, отмечали праздники. Сейчас перестали. Липкович был не просто другом, он часто помогал ему в расследовании. Трубников мог узнавать с его помощью о результатах патологоанатомической экспертизы, когда это ему требовалось. Кто теперь командует в лаборатории вместо Женьки?

Трубникова в лаборатории встретили доброжелательно. Все знали, что он друг Липковича. Раньше детектив частенько бывал у них. Временно исполняла обязанности начальника Любовь Петровна, в прошлом она была заместителем Липковича. Она улыбнулась и спросила:

- Если вы пришли, значит, вам что-то надо?
- Надо! Надо сделать анализ содержимого этой баночки из-под хрена. Нет ли здесь цианида?
- Вы нашли ее на помойке?

– Нет, сначала она плавала в озере, потом ее прибило к берегу, там грязно. Мальчишки за небольшое денежное вознаграждение разыскали ее. Надеюсь, что анализ реабилитирует ее содержимое, но не уверен.

– Я не имею права... Ради светлой памяти Евгения Валентиновича. Я позвоню вам, оставьте телефон.

– Большое спасибо, Любовь Петровна!

***

Трубников собирался ехать в Яблоньки, но позвонила Лена, дрожащим голосом сказала, что его ждут в приемной люди в штатском.

Он удивился, поспешил к себе на Кировский. В офисе его ждал «сюрприз», который закончился только вечером. У Трубникова впервые за годы существования детективного агентства произошла очень неприятная и тяжелая встреча с людьми в штатском и военной выправкой. Он всего лишь хотел поближе познакомиться с Мишей. Увидел номер его машины, узнал фамилию и отчество. Узнал адрес. Пришёл в гости без приглашения, но с самыми добрыми намерениями. Это было сегодня утром. Миша удивился, не хотел пускать в квартиру. Но детектив прошёл. Увидел в гостиной настоящий игровой зал и сразу начал объяснять Мише смысл и значение статей 210 и 171.2 УК РФ. В ответ Миша «вежливо» попросил его уйти.

Люди в штатском и с военной выправкой тоже очень «вежливо» попросили его больше к Мише не ходить, не пугать его. Трубников объяснил им про агрохолдинг, про шантаж главного бухгалтера. А электронный адрес Миши совпадает с адресом шантажиста. Вспомнил о двух трупах. Попросил дать ему возможность завершить расследование. Его поняли, ему посочувствовали, но попросили и их понять. Они потратили несколько лет, они раскрыли подпольный бизнес по проведению азартных игр в Ростове и городах области. Осталось совсем немного, чтобы выяснить, кто же хозяин столь обширной криминальной структуры со строгой конспирацией. И тут появляется частный детектив! Его «вежливо» попросили...

Вечером Трубников сидел дома, заедал стресс тушёной печенкой. Позвонила Любовь Петровна, сообщила, что никакого яда в склянке нет. Позвонил его помощник Александр Шаповалов, хотел по телефону доложить об очередной беседе с Антоном Черноусовым. Трубников пригласил его к себе домой с докладом. Саша приехал, помог докушать печенку. Потом оба уселись в креслах в гостиной, предоставив Людмиле убирать со стола, мыть посуду.

– Антон негласно без заключения договора выполнял какую-то работу для Альберта Громова. Выезжал в Матвеево-Курганский район, как он сам сказал: «Грязь месил». Ездил, ходил по полям агрохолдинга. Альберт выплатил ему сразу аванс, но впоследствии отказался выплачивать осталь-

ную сумму. Попросту кинул его. Последний раз Антон общался с Громовым 15 февраля в гостинице Матвеево-Кургана, но денег не получил. Альберт обещал заплатить потом.

К сожалению, мне не удалось выяснить, ради чего они месили грязь на клубничных полях, но мимоходом Антон обронил что-то о переводе земель из сельхозназначения в земли под строительства коттеджей. Мне продолжать с ним работать? Или этого уже достаточно для возбуждения уголовного дела?

– Уголовного дела? – усмехнулся Трубников, – увы, но статья 170.2 УК РФ сделала кадастрового инженера неуязвимым и безнаказанным. Внешне все выглядит правильно: «Внесение кадастровым инженером заведомо ложных сведений в межевой план или подлог документов наказывается штрафом от 200 тысяч рублей или исправительными работами до одного года». Но для того, чтобы против Антона и его поделщиков из кадастра возбудить уголовное дело, Волонсевич должен написать заявление в полицию и обязательно документально подтвердить, какой ущерб ему нанесли действия кадастрового инженера. Без этого в полиции не имеют права принимать заявление. Наказание зависит от размера ущерба. Сомневаюсь, что Волонсевич знает о том, что Альберт с Антоном месили грязь на полях его агрохолдинга. Он узнает об этом, когда на его полях начнут вытаптывать клубнику и вырубать яблоневые сады. Тогда он пойдет в полицию, ему объяснят про размер ущерба и его документальное

подтверждение. Волонсевич обратится к экспертам, потому что ему нужны документы! Деньги, нервы, время... Время идёт. А срок давности по этой статье два года с момента государственной регистрации подлога.

По-моему, статья 170.2 потому и не работает, что предъявляет завышенные требования к жертве. Жертва обязана приложить к заявлению доказательства совершенного преступления, должна указать нормы права, обосновать квалификацию содеянного преступления. Объясни мне, пожалуйста, как Волонсевич может документально подтвердить факт подлога документов в кадастровой службе?

– Но у него же есть свои экземпляры! Свидетельство о праве собственности и тому подобные!

– Сомневаюсь. Альберт наверняка начал с их похищения. Преступления по отъему собственности у юриков и физиков набирают обороты с фантастической скоростью. Всегда по одной схеме: сначала незаметно для жертвы похищают документы на собственность... Ты с мамой живёшь в своей квартире. Это ваша собственность?

– Да. Приватизирована.

– Ты часто проверяешь, лежат ли на месте документы? Ты спрятал их и забыл! Волонсевич тоже каждый день не проверяет. Без похищения документов за помощью к кадастровому инженеру не обращаются. Схема одна и та же для всех. Под прицелом все население нашей страны.

Только для того, чтобы в полиции приняли заявление, Во-

лонсевич должен превратиться в кадастрового инженера, в следователя. Он должен в совершенстве знать уголовное законодательство в сфере кадастра, иначе он не сможет все обосновать, доказать документально. Без этого полиция не имеет права принять заявление, а уж о возбуждении уголовного дела и говорить нечего. Статья 170.2 делает жертву беззащитной, а кадастрового инженера безнаказанным. Не случайно за четыре года никто из кадастровых инженеров не пострадал, хотя армия бомжей постоянно увеличивается. Неработающая статья.

Альберт понимал это. Шёл уверенно и напористо. Хотел больших денег, получил цианид.

– Но Черноусову незачем убивать его! Он надеялся, что со временем Альберт с ним рассчитается.

– Да. Черноусову, Мише от живого Альберта больше пользы, чем от мертвого. Любители азартных игр в поисках уютного местечка забрели на клубничные поля агрохолдинга. Совсем обнаглели! Девятиэтажный жилой дом, обыкновенная трехкомнатная квартира! Рядом живут обыкновенные семьи с детьми и стариками! А они малинник устроили! Гнать их поганой метлой!

Трубников резко встал, ушёл в другую комнату. Вскоре вышел в костюме и при галстукке.

– Куда? – выглянула из кухни жена, – на ночь глядя?

– В Яблоньки. Вернусь завтра после собрания. Поехали, Саша!

Трубников в пальто нараспашку и шапке набекрень бодро шагал к двери, за ним радостно трусил Саша. Людмила махнула на них рукой, заперла за ними дверь, пошла домывать посуду.

Старший брат и младший брат, во всем папа виноват

Они ехали в Яблоньки ночью.

– Завтра в десять собрание акционеров, – говорил Трубников помощнику, – Волонсевич где-то в Минске или на границе. Мещерякова застыла на своем стуле с петлей на старте. Я в тупике. Впервые я совершенно не понимаю, кто и за что убил Громова и Жанну? Полночь не лучшее время для визита, но я волнуюсь за Мещерякову. Сначала к ней.

Свет горел в окнах. Детектив постучал. Дверь открыл Дима, трубников удивился:

– Ты все ещё здесь? Ты же уже завершил работу!

Мещерякова курила, смотрела телевизор. Вид у неё был затравленный и больной. Тем не менее, она накрыла на стол. Теперь её холодильник был заполнен различными консервами, курами, сыром. Сели за стол. Дима объяснил, что задержался, потому что хочет «почистить» сайт шантажиста. Трубников, вспомнив беседу с людьми в штатском, строго запретил ему продолжать работать. Дима удивлённо посмотрел на него, ничего не ответил. Возразила Мещерякова:

– Но они же меня шантажируют! Дима хочет их остановить!

– Я взломаю, – начал Дима.

– С этого момента, – тихо, но с металлическими нотками в голосе оборвал его Трубников, – ты прекращаешь всякую работу! Я категорически запрещаю тебе даже прикасаться к компьютеру!

Завершили полночную трапезу в полной тишине. Обиженный Дима курил в кухне, Мещерякова мыла посуду. Трубников спохватился, что забыл дома сигареты. Вошёл в кухню, попросил. Мещерякова подала ему пачку сигарет. Очень знакомую пачку. Снова Маша обманула! Волшебное озеро! Одна бросила в него якобы яд, он оказался на берегу. Другая бросила коробки с сигаретами, они тоже оказались в моих руках.

– Валентина Васильевна, – обратился он к Мещеряковой, – в агрохолдинге работает Мария Петухова, она будет на собрании?

– Нет. Акции только у ветеранов. Их надо заслужить долгим и честным трудом, а Петуховы лодыри оба. Я знаю, потому что наряды закрываю. Маша спустя рукава работает. Получает от выработки копейки, в отличие от других. Я боюсь идти на собрание. Куда вы? Вы уезжаете в Ростов? Не бросайте нас!

– Я скоро вернусь, – сказал детектив.

Саша помчался за шефом. Они остановились на перекрестке. К дому Петуховых пошли пешком. Ещё темно, но все же видно стоящих в проеме калитки супругов Петуховых в страстном затяжном поцелуе. Леонид оторвался от жены,

она перекрестила его:

– Храни тебя Бог!

– Далеко ли собрался? – спросил Трубников.

Леонид вздрогнул от неожиданности. Маша схватилась руками за голову. Леонид хотел перепрыгнуть через забор, убежать огородами. Саша перехватил инициативу, догнал, уронил на землю. Трубников подошёл к Маше, показал ей сигареты

– Вы меня обманули! Разве вас в детстве не учили, что обманывать нельзя?

– Остановите! Остановите своего чувака! Он же Ленчику руку сломает! Я сейчас его по спине огрею лопатой!

– Не надо им мешать, – миролюбиво остановил её детектив, – пойдёмте в дом, зиме все-таки, холодно. Вы снова в халате и тапках!

– Леня! Поддай ему!

Трубников увёл Машу в дом. Василий уставился на них зелеными глазами, не смущаясь того, что сидит на обеденном столе. Детектив усадил Машу за стол. Захотел услышать подробности о сигаретах, о прощальном поцелуе с мужем, куда же он собрался? Маша заплакала. Распахнув дверь ногой, Саша втащил в дом озлобленного и морально сломленного Леонида. Маша бросилась к мужу, но Саша не подпустил её к нему:

– Стоять! Николай Федорович, смотрите, что я нашёл у него в кармане!

– Это мои сережки, – закричала Маша, – мои духи! Я их мужу дала, чтобы он продал. Нам деньги нужны! Кушать нечего!

Трубников забрал у Саши прозрачный пакетик, обернулся к Маше:

– Покажите мне, пожалуйста, ваши руки, ногти.

Маша удивленно показала ему кисти рук, ладони. Леонид попытался ударить Сашу, но получил сам, застонал.

– Красивые ручки, ухоженные. Красивый маникюр, – рассматривал детектив руки Маши, – ручки музыканта. Овощи чистите в перчатках? Где они?

– Возьмите перчатки! – с отвращением и злобой Маша швырнула на стол резиновые перчатки. Василий спрыгнул со стола, убежал в комнату. Трубников надел перчатки, достал из пакетика духи, понюхал, чем вызвал еще большее презрение у Маши. Такими же духами пользовалась и Жанна. Серёжки тоже похожи. Но зачем Маше и Леониду убивать Жанну?

Леонид сделал ещё одну попытку вырваться из объятий Саши. Саша прижал его носом к полу, вывернув руку. Он закричал от боли. Маша бросилась к мужу, закричала:

– Ты ему плечо вывихнул! Я на тебя в суд подам! Трубников нехотя подошёл, осмотрел опухшее плечо. Позвонил Нине Сергеевне, попросил разрешения привезти к ней домой больного. Она сказала, что ждёт их. Саша остался с Машей.

Нина Сергеевна заставила Леонида раздеться до пояса,

осмотрела плечо, помазала вонючей мазью с красивым названием «Найз».

– Ничего, это пройдёт, – утешала она Леонида, – смотри-ка! И у тебя такая же родинка! У Альберта такая же крупная на этом же месте!

Леонид закусил нижнюю губу, со злобой посмотрел на неё. Фельдшер испуганно отшатнулась от больного:

– Лёничка, я тебе больно сделала? Потерпи, касатик! Заживёт!

– У Альберта такая же родинка? – переспросил детектив, – а что папа Альберта Александр, не знаю его отчества, был морально устойчивый?

– Александр Витальевич? – улыбнулась Нина Сергеевна, – я бы так не сказала. Моральная устойчивость давно в дефиците, разве в Ростове не так?

Леонид, забыв про боль, торопливо одевался. Его бил озноб, лицо горело. Нина Сергеевна достала аспирин, налила воды в кружку. Он грубо оттолкнул её, хотел пройти к выходу.

– Сядь на табуретку, Леонид, – сказал Трубников, а то я тебе и второе плечо вывихну нечаянно.

Нина Сергеевна перекрестилась и отступила к окну. Леонид присел на край табуретки.

– Где ты взял цианид? – спросил его Трубников.

– Чего? Рехнулся что ли? На меня убийства списать хочешь? На самого беззащитного! На сироту!

Трубников достал пакетик, посмотрел ещё раз на свет:

– Это серёжки Жанны, её духи. Позарился на золотые серёжки! Не побоялся с трупа снять.

– Лёня! Жанна! Прошептала Нина Сергеевна и начала оседать на пол. Трубников подхватил её. Леонид бросился к двери. Детектив догнал его у калитки. В это время к дому фельдшера подъехала очень грязная машина. Из неё, хромая вышел Волонсевич. Он не удивился, увидев детектива и гарцующего в его руках Леонида, скомандовал:

– Пошли до Нины!

Втроём вернулись в дом фельдшера. Волонсевич сел на табуретку, показал колено, опухшее и красное:

– Торопился, чуть не перевернулся! Мир не без добрых людей! Помогли, перевернутую машину поставить, а колено ты помоги, Нина. Ты не заболела? Бледная и руки дрожат.

– Ничего, всё пройдет. А колено сейчас найзом помажем, забинтуем. Похоже на ушиб, но нужен рентген. Обязательно нужен! Ирину Даниловну под стражу взяли, а это Лёнька их убил! Серёжки с Жанны снял, продать хотел! У Жанны дочка маленькая! Как же так?

– Я знаю, что Саша твой отец, что Алька твой сводный брат. Лёнька! Ты у гроба Саши стоял, волосы срезал! Ты уже тогда всё задумал? Экспертизу ДНК, наследство? Урод! Какое наследство? Сашка честно жил! Ничего не нажил! Думал его акции присвоить? Вот тебе его акции! – Волонсевич показал притихшему Леониду неприличный жест из трех паль-

цев. – Ты ограниченный и малодушный недочеловек! Тебя раздражало превосходство Альберта. Он одевался лучше тебя! Он в начальниках был в отличие от тебя! Ты думаешь, я не видел, с каким презрением ты часто смотрел на него? Мне тогда ещё надо было сбить с тебя спесь! А Жанну за что? Это же её серьги!

– Она рядом с Алькой сидела, всё видела, – распрямился во весь рост Леонид и грязно ухмыльнулся, – ничего вы со мной не сделаете! Я родственник вам по матушке! Сор из избы не выносят! Вы сами на волоске от смерти, того и гляди перекупят твой агрохолдинг, построят отель...

Волонсевич ударил его наотмашь. Нина Сергеевна вскрикнула, подбежала к лежащему на полу Леониду, остановилась и медленно отошла к окну. Впервые в жизни она не оказала помощь больному, хотя он стонал и корчился от боли.

У Жанны Танюшка осталась, – тихо сказала она.

– Позабочусь, – бросил Волонсевич и спрятал пакетик с сержками и духами в кармане. Трубников возразил, что он не имеет права утаивать от следствия...

– Вы ничего не утаиваете, Николай Федорович, – сказал Волонсевич, – я вам очень благодарен. Спасибо! Всё оплачу. Валюша сегодня же перечислит. Я сам со Скуратовым поговорю, всё ему отдам, Ирину спасать надо! Нельзя уезжать ни на минуту! Ирину в СИЗО упекли! Валюша в петлю полезла! И Жанну убили!

Он сжал кулаки, глядя на Леонида, но сдержал себя. Трубников вышел из дома фельдшера, кричали петухи. Посмотрел на часы. Пять часов утра.

Послесловие

Некоторое время спустя Трубников сидел дома в уютном кресле, читал ежедневную ростовскую газету «Свободное слово»:

«Стараниями ростовских силовых структур раскрыто преступное сообщество, занимавшееся подпольными азартными играми: более 30 человек и более десяти игорных залов, которые располагались в гаражах, в нежилых зданиях, в жилых домах, в квартирах. Структура была продумана четко и действовала строжайшая конспирация. Участники преступного сообщества не знали в лицо руководителя, не знали его имени. Им оказался некий Новожилов. Проведены обыски, изъято игорное оборудование. Предъявлено обвинение по ст. 210 УК РФ и ст. 171.2 УК РФ».

Чтение прервал звонок в дверь. Пришёл Саша, радостный и счастливый:

– В воскресенье еду в Яблоньки на свадьбу, не знаю, какой подарок купить? Или лучше деньгами? Димка женится.

– На ком? – удивился Трубников.

– На Мещеряковой. Ирину Даниловну давно отпустили домой. Лёнька подкинул ей какую-то склянку с цианидом, поэтому её и подозревали. Сейчас сам под следствием.

– А про Танюшку, что-нибудь знаешь?

– Её усыновил главный инженер, то есть семья его. У них

была одна дочь, теперь две, они дружат. Что же мне Димке на свадьбу подарить?

– Не знаю, Саша, ноутбук для удалённой работы? Или деньгами? Лучше у Димы спроси. Мира им и любви. Жить где будут? В Яблоньках? Красивое село!